

М. Шрамкова

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ЧЕШСКОЙ
ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРОЗЫ И ЛИТЕРАТУРЫ**

Исследование проблемы влияния литературы на устную народную прозу прошло в чешской фольклористике несколько противоречивых этапов, которые в целом совпадают с развитием данной проблемы во всей европейской фольклористике. В период романтизма (первая половина XIX в.) собиратели и исследователи чешского фольклора исходили из так называемой продукционной теории: народ был для них «носителем чистой национальной пракультуры», а фольклорная проза — «остатком пранациональной традиции»¹, произрастающей стихийно из поэтической души народа, независимо от «искусственной», «высокой» литературы и музыки. Во второй половине прошлого века и в последующие десятилетия чешские фольклористы и литературоведы (Я. Махал, В. Тилле, Й. Поливка, А. Краус)² пришли к убеждению, что фольклорная проза уже со времени средневековья обильно черпала свои сюжеты, образы и даже тексты из письменных источников (в XIV—XVI вв. — главным образом из притч и легенд, в XVII—XIX вв. — из так называемых книг для народного чтения, сборников ярмарочных песен, календарей и других печатных источников), и фольклорист обязан при исследовании произведений повествовательного фольклора учитывать, как и в какой мере они «перекликаются с печатной литературой»³. Подобная методологическая установка, подчеркивавшая общность источников и единство генезиса литературы и народной прозы и утверждавшая влияние чтения — особенно в сюжетной сфере — на фольклорную прозу, продолжала господствовать до недавнего времени. Изыскания большого числа авторов (А. Грунд, К. Горалек, Й. Колар) способствовали накоплению большого количества ценных данных для объяснения сюжетных взаимосвязей между литературной продукцией и народной традицией⁴.

Однако такого рода трактовка тоже оказалась односторонней; она не учитывала специфических закономерностей фольклорной традиции, возводила восприятие литературных явлений в народной среде к одному лишь соотношению подлинника с его воспроизведением, в недостаточной мере считаясь (а то и вовсе не считаясь) с внутренними процессами, не-

¹ V. Tille. *Soupis českých pohádek*, 11/2. Praha, 1937.

² J. Máchal. О некоторых книжках lidového čtení.— «Národopisný sborník československý», № 3, 1898, s. 3—26; V. Tille. *Ceské pohádky a lidové knížky*.— «Národopisný věstník československý», № 10, 1915, s. 81—101; «Kronika o Bruncvíkovi v ruské literatuře».— «Atheneum», № 10, 1893, s. 246—251; A. Kraus. *Blaník*.— «Národopisný věstník československý», № 12, 1917, s. 113—128; F. Menčík. *Ceská proroctví*. Praha, 1918; V. B. Nebeský.— «Casopis Českého Musea», 1847, s. 337—368; M. Speranskyj. *Přehled knížek lidového čtení*.— «Národopisný sborník československý», № 6, 1900, s. 144—166; A. Truhlář. О некоторых книжках prstonárodní četby české.— «Casopis Českého Musea», 1890, s. 46—65; 1891, s. 426—434.

³ V. Tille. *Soupis českých pohádek*, t. 11/2, s. 511.

⁴ A. Grund. *Kratochvilné rozprávky renesanční*. Praha, 1952; K. Horálek. *Lidové dramatizace pohádek*.— «Slovenské pohádky», Praha, 1964, s. 159—179; «Pohádkoslovné studie». Praha, 1964; J. Kolár. *Ceská zábavná próza 16. století a tzv. knížky lidového čtení*. Praha, 1960; B. Václavek. *Historie utěšené a kratochvilné*. Praha, 1950.

избежно развивающимися при заимствовании устной традицией литературного явления.

Новая и более глубокая концепция складывалась в чешской фольклористике постепенно — отчасти на почве функционально-структурных исследований в фольклористике (П. Богатырев)⁵, отчасти на почве детального монографического изучения деятельности отдельных рассказчиков и носителей фольклорной традиции. Она шаг за шагом привела к выводу: суть восприятия устной традицией литературных явлений вовсе не в простом подражании подлиннику или имитации его; устное творчество «никогда не представляет собой пассивного воспроизведения печатного оригинала»⁶. Процесс этот стал пониматься как сложное творческое взаимодействие между системами культуры. «Тот факт, что в сказке встречаются заимствованные из литературы сюжеты, несомненно, однако он сам по себе никак еще не объясняет подлинную сущность сказки, ее форму, ее функцию», — писал П. Богатырев⁷. Этот вывод можно было бы распространить на все другие жанры народной прозы, хотя литературные влияния по-разному отражались в отдельных жанрах.

В интересующем нас процессе взаимодействует большое количество факторов. На первое место следует поставить, разумеется, сами литературные произведения — особенности их содержания, их идейную ориентацию и выразительные средства. Далее — особенности каналов, которыми они попадают в народную среду, и интенсивность этого процесса. В общих чертах можно сказать, что с древнейших времен в устное бытование проникали в первую очередь сочинения популярного характера и так называемого увеселительного чтения (фацеции и шванки эпохи Ренессанса, летописи, ярмарочные песни, рассказы из календарей, различные рассказы, предназначенные для широкого круга читателей, так называемые «народные книги»), и т. д. Подобные литературные произведения находили живейший отклик у читателей, поскольку их сюжеты и формы были близки вкусам народа и характеру фольклора. Количество и разнообразие этой литературы, а также ее воздействие на народные слои и на фольклорное повествование с течением времени возрастали. Так происходило и в других европейских странах. Путь этой литературы к читателю из народа облегчался по мере роста образования демократических слоев народа, притом даже в захолустье; к концу XIX в. в чешских землях почти все умели читать и писать. Начиная со второй половины XIX в., в распоряжении исследователя имеется уже столько данных, что он в состоянии подробно проследить рост роли чтения в народном быту и его возраставшее влияние на устное рассказывание.

Следующий важный фактор — пути и формы, по которым литература попадала в народные слои. В первой половине XIX в. в чешских деревнях, главным образом небольших и отдаленных, журналы и книги были редким исключением, несмотря на то, что сельские жители весьма ценили печатное слово. В то время люди из народа знакомились с литературными сочинениями преимущественно посредством совместных чтений вслух, на которые собирались соседи или члены семьи. Некоторые сочинения того времени уже в заголовке или в подзаголовке содержат пометку, из которой следует, что они предназначены для чтения вслух на супрядках или щипке перьев в зимние вечера. В некоторых областях такие «сборища» соседей, знакомых и родственников так и назывались «читательскими», так как на них преимущественно читали вслух⁸. Кое-где «читателями» называли таких людей в деревне, которые знали всякие беллетристические, исторические и другие популярные сочинения и

⁵ P. Bogatyrev. Pohádka a kniha.— «Souvislosti tvorby». Praha, 1971, s. 76—84.

⁶ K. D. Kadubiec. Gawędziarz cieszyński Józef Jeżovicz. Ostrava, 1973, s. 50.

⁷ P. Bogatyrev. Několik poznámek o vztazích mezi folklórem a vysokým uměním.— «Souvislosti tvorby». Praha, 1971, s. 95.

⁸ J. F. Hruška. Náši pod Čerchovem. Rada chodských postav a povah. I. Plzeň 1921, s. 105.

рассказывали прочитанное своим соседям⁹. Лишь позднее стало распространяться и индивидуальное чтение «про себя». Импульсы к распространению и чтению книг, к основанию публичных библиотек и т. д. исходили главным образом из городской среды. Инициативную роль в этом процессе сыграла прежде всего местная интеллигенция (учителя, священники, чиновники), но в неменьшей мере также и отдельные лица из народа, отличавшиеся любовью к книге и к печатному слову. Они охотно собирали слушателей и читали книги и журналы, печатавшиеся в то время, распространяли их в своей среде. Самоучки, образованные люди, выходцы из народных слоев, в XIX веке заняли прочное место в культурной жизни чешской деревни и сыграли в ней знаменательную роль.

На протяжении XX в. положение дел коренным образом изменилось. Объем и разнообразие чтения непрерывно возрастали, но вместе с тем появились и находили все большее применение новые массовые технические средства коммуникации (кино, радиовещание, а с середины нынешнего века — и телевидение). Их культурное влияние существенным образом превзошло воздействие литературы и чтения. Через их посредство в самые широкие слои населения стали проникать и проникают литературные по своему происхождению явления, оказывая прочное и сильное влияние также и на устное бытовое рассказывание. Поэтому внешние («экстрафольклорные») влияния на фольклорную прозу уже нельзя трактовать только лишь как узколитературное влияние. Теперь необходимо учитывать отношение устной прозы ко всей системе технических средств коммуникации, причем литература в этой многогранной системе выступает в роли лишь одного из ее компонентов.

В процессе проникновения литературы в фольклорную прозу и в процессе фольклоризации литературных явлений, бесспорно, центральное место занимает рассказчик, исполнитель. От него прежде всего зависит, какие литературные явления проникнут в устную традицию и в каком виде они упрочатся в ней. В зависимости от отношения современных рассказчиков к литературе среди них можно выделить несколько типов.

1. Встречаются рассказчики, которые читают мало или практически вовсе не читают. Поэтому нельзя говорить о непосредственном, прямом влиянии чтения на их репертуар и способ интерпретации. «Он очень любит рассказывать, но не читать», — охарактеризовал одного такого рассказчика собиратель¹⁰. Это не значит, что подобные рассказчики совсем не располагают рассказами внефольклорного происхождения; однако они заимствуют их не прямо из литературы, а «из вторых рук», т. е. от другого рассказчика.

2. Другие рассказчики, наоборот, любят много читать, но не рассказывают прочитанного или не любят рассказывать. Они как бы размежевывают чтение и свой повествовательный репертуар, избегая сюжетов литературного происхождения в собственном живом повествовании. Таким был, например, замечательный рассказчик из Валахии, от которого много записывал В. Тилле, отметивший: «Он читает много, но прочитанное рассказывает плохо»¹¹. К той же категории следует отнести выдающегося рассказчика Йозефа Смолка, о котором А. Сатке в своей известной и обширной монографии писал: «Он никогда ничего не воспроизводил из прочитанных книг»¹².

3. Специфическое и привилегированное положение в процессе освоения литературы занимают рассказчики, которые много читают и любят пересказывать прочитанное; они-то, собственно, больше всего и способ-

⁹ V. Tille. České pohádky do roku 1848. Praha, 1909, s. 57.

¹⁰ V. Tille. Povídky sebrané na Valašsku r. 1888.— «Národopisný sborník československý», № 7, 1901, s. 51.

¹¹ Там же.

¹² A. Satke. Hlučínský pohádkář Josef Smolka. Ostrava, 1958, s. 18.

ствуют расширению взаимосвязей между литературой и устной традицией, действуя в качестве прямого связующего звена между ними.

Все отмеченные типы рассказчиков широко представлены в самом раннем слое современной чешской устной повествовательной традиции.

Детальный анализ вскрыл значительную долю сочинений литературного происхождения в репертуаре отдельных рассказчиков или в устном репертуаре целых местностей. Одновременно обнаружилось, что восприятие литературных явлений устным творчеством не может толковаться как механический пересказ или подражание литературному образцу. Напротив, здесь всегда в той или иной степени отражаются активность и специфические свойства народного рассказывания и закономерности устного типа коммуникации. Процесс фольклоризации развивается на нескольких уровнях.

1. Он реализуется прежде всего в отборе определенных литературных явлений; рассказчики отбирают из своего чтения только некоторые темы, сюжеты, интриги, мотивы, персонажи, выразительные стилевые и языковые средства. Таким образом, попадающая в бытовую устную стихию литература как бы проходит через цензуру вкуса и норм народного рассказывания.

2. Нередко имеют место видоизменения и транспозиции общей концепции, идейного содержания и эмоциональной окраски рассказа, в силу чего происшествя, ситуация и персонажи получают иные акценты и смысл.

3. Сдвиги в композиции и изменения мотивировок направлены обычно на редукцию фабулы, с сохранением основной эпической оси и ключевых ситуаций и конфликтов (пропускаются, в частности, описательные и побочные мотивы, размышления, иногда вставляются новые мотивы, меняется последовательность действий и т. д.).

4. Личные, временные и пространственные реалии и колорит происшествий, о которых рассказывается, адаптируются, сближаются с опытом рассказчика и слушателей; место действия и персонажи рассказа переносятся из отдаленной и чуждой среды в домашнюю, свою, хорошо известную.

5. Языковая и стилистическая сторона рассказа приспособляется к устной речи и местному диалекту. Это касается прежде всего синтаксиса (простые и паратактические сложные предложения вместо сложных гипотактических), но также и других компонентов (словарь, повышение эмоциональности и актуализация текста и др.). К текстовым элементам в живом исполнении присоединяются ярко выраженные внетекстовые средства (голосовые, мимические, кинетические), создавая вместе общий план выражения и интерпретации рассказываемой истории.

6. Заимствованный и адаптированный литературный рассказ включается в широкий контекст народной бытовой культуры, в привычные жанровые рамки, в систему традиционных повествовательных ситуаций и во всю совокупность функций народного повествования¹³.

Названные тенденции в различной степени находят свое выражение у разных рассказчиков, и это приводит к возникновению неодинаковых форм и степени фольклоризации литературных рассказов в устном бытовании. Результатом этого является обычно как бы «компромисс» между литературным фактом и фольклорной адаптацией. В устное бытование включаются не только темы и сюжеты литературных произведений, но также многочисленные иные стилевые знаки, образные и другие элементы. Поэтому есть основание говорить о том, что процесс фольклоризации является одним из путей сближения фольклора с литературой. Сближение это взаимно.

Перевод К. Мразека

¹³ М. Sramková. K otázce folklorizace. Literární povídka v ústním podání.— «Slavica slovacca (Literatúra a folklór)», 1976, № 11, s. 378—384.